

19. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине. — Харьков, 2000//НА НИЛ ХГПУ.
20. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г. С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине. — Харьков, 2001//НА НИЛ ХГПУ.
21. Колода В. В. Отчет о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ в 2001 году. — Х., 2002//НА НИЛ ХГПУ.
22. Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей//ИАК. — 1918. — Вып. 65.
23. Семёнов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке (1692–1947 гг.). — Х., 1947.
24. Граков Б. Н. Скифы. — К., 1947.
25. Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии в конференции ИИМК АН СССР в 1952 году//Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954.
26. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время//Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954.
27. Шрамко Б. А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця//Археологія. — 1962. — Т. 14.
28. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Х., 1962.
29. Археологія УРСР. — К., 1971. — Т. 1.
30. Стены Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
31. Граков Б. Н. Скифы. — М., 1971.
32. Тереножкин А. И. Скифская культура//Проблемы скифской археологии. — М., 1971.
33. Шрамко Б. А. К вопросу о значении хозяйственно-культурных особенностей степной и лесостепной Скифии//Проблемы скифской археологии. — М., 1971.
34. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. — К., 1983.
35. Моруженко А. А. Историко-культурная общность племен междуречья Днепра и Дона в скифское время//СА. — 1989. — № 4.
36. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. — 1961. — № 104.
37. Бандуровский В. А., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (северодонецкий вариант). — Х., 1999.
38. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история в I тыс. до н. э. — М., 1999.
39. Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени//Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. — М., 2001.

40. Бойко Ю. Н. Меридионально-ориентированные погребения приднепровской лесостепи скифского времени//Древности. — Х., 1998.
41. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. — Пг., 1918.
42. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников//АСГЭ. — 1971. — № 13.
43. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
44. Алексеев А. Ю. Скифская хроника. — СПб., 1992.
45. Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья//Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990.
46. Щукин М. Б. На рубеже эр. — СПб., 1994.

Резюме

Гречко Д. С. *К истории изучения памятников скифского времени лесостепной части бассейна Северского Донца*

В данной статье рассматриваются основные вехи истории исследований археологических памятников скифского времени лесостепной части бассейна Северского Донца, выделяются акценты в их изучении по конкретным историческим периодам. Дается историография основных проблем изучения этих памятников: вопрос самостоятельности северскодонецкой локальной группы, их этнической идентификации согласно Геродоту, а также проблема финала скифоидной культуры лесостепной части юга Восточной Европы.

А. Н. Домановский

О ЗОНАХ КОНДОМИНАТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ГРАНИЦАХ ВИЗАНТИИ IV–IX вв.: АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В историографии последних трех десятилетий XX в. восприятие границы Византийской империи как непреодолимого барьера, «железного занавеса» перед враждебным «варварским» миром было основательно потеснено концепцией пограничья — контактной зоны, открытого моста между двумя мирами [см.: 1; 2, с. 44–48; 3, с. 64–82; 4, с. 183; 5, с. 117–121 и др.]. Почти одновременно приобрела популярность идея существования на границах византийского государства так называемых кондоминиумных зон, управлявшихся совместно имперской администрацией и представителями государства или протогосударственного образования, располагавшегося с противоположной стороны границы. В отечественной византологии эта концепция получила свое наиболее полное развитие при изучении истории Крымского

полуострова, около 150 лет пребывавшего под совместным византийско-хазарским владычеством [6, с. 76–81; 7, с. 509–543; 8, с. 145–150; 9, с. 333–347; 10, с. 544–568; 11, с. 336–361; 12, с. 427–439 и др.]. Результаты разработки проблематики на крымском материале впечатляют, однако представляется необходимым более подробный анализ свидетельств о зонах кондоминатного управления на других участках границы раннесредневековой Византийской империи, чтобы определить причины, принципы и механизмы возникновения подобных зон на общеимперском уровне. Обычно такие сведения привлекаются исключительно в качестве иллюстративно-вспомогательного материала [см.: 6, с. 77–78; 7, с. 511; 11, с. 549; 12, с. 435].

Одним из наиболее очевидных признаков как открытой границы-*limen*, так и территории двойного подчинения был свободный беспрепятственный взаимовыгодный торговый обмен, производившийся между империей и ее соседями на этих территориях. Вместе с тем, в зонах кондоминатного управления торговый обмен был не только открытым, но также контролировался и облагался налогами на равных правах обеими государствами-партнерами [11, с. 549; 12, с. 435]. Если учесть, что византийское правительство традиционно уделяло пристальное внимание контролю и надзору за международной торговлей, отмеченные обстоятельства позволяют нам попытаться оценить роль и значение государственного регулирования внешнеторгового обмена в возникновении и типологии контактных зон на границах раннесредневековой империи ромеев.

При рассмотрении политики Византийской империи IV–IX вв. по организации международной торговли обращает на себя внимание стремление государства ограничить обмен с иноземцами рядом специализированных пограничных городов, в пределах которых должны были происходить все внешнеторговые сношения. Торговцы с обеих сторон могли встречаться и торговать только в специально предназначенных для этой цели пунктах, вне которых любые международные торговые операции воспрещались.

На восточных границах империи оформление стратегии пограничных торговых городов относится ко времени императора Диоклетиана (284–305 гг.). Именно в период его правления, в 298 г., был заключен мирный договор, согласно которому вся торговля с Персией должна была происходить исключительно через лежащий на Тигре город Нисибис, принадлежавший византийцам [13, с. 304; 16, с. 187–188]. Со временем, по мирному договору 387 г. и постановлению императора Феодосия II от 408/409 гг., количество подобных городов возросло до трех: Нисибиса, Каллиника (Ракки) и Артакса–Арташата [14, IV. 63; 17, с. 108–109]. Подобные пограничные торговые центры существовали и на других участках границы империи, в частности, на Дунае [4, с. 163, 173, 176, 185; 15, с. 229–231].

Как можно понять, путем ограничения торговли с Сасанидским Ираном строго обозначенными населенными пунктами, византийское правительство стремилось осуществлять монопольный контроль за процессом обмена, а также за установлением цен при закупке персидских товаров, прежде всего — шелка. Очевидно, это было возможно лишь в том случае, если все перечисленные города на границе с Персией находились под безраздельным управлением представителей византийской администрации. Это выглядит весьма вероятным, поскольку при заключении договора 298 г. именно ограничение византийско-персидской торговли исключительно Нисибисом вызвало сильное противодействие со стороны персидского шахиншаха [13, с. 304–305; 16, с. 187–188], которое можно объяснить именно нежеланием «отдавать на откуп» «римлянам» право единолично контролировать торговлю и монопольно диктовать на государственном уровне цены. Не удивительно, что по мирному договору 363 г., заключенному после окончившейся катастрофой экспедиции императора Юлиана, персы потребовали, чтобы город перешел на 120 лет в их владение [19, с. 572]. Как представляется, окончательный итог этого своеобразного «перетягивания» Нисибиса и, очевидно, подобных ему городов между двумя государствами зафиксирован в мирном договоре 562 г.

В этом соглашении можно заметить явные элементы кондоминатного управления пограничными торговыми городами. В этом мы расходимся с утверждением С. Б. Сорочана, который считает, что данный договор не предусматривал элементов кондоминатных отношений, поскольку якобы четко разделял византийские и персидские владения, и, следовательно, в нем отсутствовал основополагающий признак двоевластия — присутствие на одной территории представителей администрации обоих государств [7, с. 511, 531, прим. 32]. Обращение к тексту договора позволяет считать такое мнение не совсем верным, поскольку в соглашении упоминается о том, что возникавшие конфликтные ситуации между частными торговцами разных стран разбирались некими управляющими людьми (*οἰκείων ἀνθρώπων*) (очевидно, официальными представителями обеих держав), находившимися в пограничной зоне (*μεθωρίοις*) при правителях приграничных областей обеих стран [20, р. 22. 24–26; 21, с. 343]. Следовательно, налицо присутствие равноправных административных лиц двух государств на одной территории. Считать, что оно было постоянным, позволяет также положение договора о решении вопроса об ущербе, нанесенном какой-либо стороной целому городу страны — торгового контрагента. В этом случае тяжбу рассматривали специальные судьи (*δικαστὰς*), поставленные от обеих держав для решения конфликтных ситуаций на границе [20, р. 23. 18–20; 21, с. 344; 16, с. 189]. Г. Н. Лозовик писал об основании на границе специального двустороннего трибунала [22, л. 36]. Его чиновники действовали как бы «от лица» правителей, ведь в том случае, когда

истец оказывался неудовлетворенным принятым ими решением, он мог обращаться в более высокие инстанции, вплоть до главы государства ответчика, в надежде на то, что его приговор будет более благоприятным, чем заключение, вынесенное ранее действующими от его имени чиновниками [20, р. 23.20–29, 21, с. 344–345; 16, с. 189]. Немаловажным кажется также факт демилитаризации приграничной зоны, в которой запрещалось строить крепости, а в Дарах оставался лишь небольшой гарнизон [20, р. 22–23; 21, с. 343–344].

Все перечисленное, как представляется, свидетельствует о праве обоих государств осуществлять совместное управление пограничными торговыми городами и, следовательно, позволяет говорить об определенных элементах кондоминатного управления этими населенными пунктами. Не вызывает сомнения, что подобная модель больше устраивала персов, чем византийцев, стремившихся к единовластному управлению на границе с целью установления максимально выгодных для себя условий внешней торговли. Однако, в то же время, она была более приемлема для ромеев, чем полная передача Каллиника и Арташата Ирану. Империя была вынуждена согласиться на такие условия, поскольку победить персов в случае открытой конфронтации было невозможно, а прекращение торговли с ними вело к значительным убыткам.

Таким образом, можно предложить следующую схему развития модели государственного регулирования торговли на границах ранней Византийской империи с Персией. Прежде всего очевидно, что ромеи изначально стремились взять внешнеторговый обмен под свой безраздельный контроль и единовластно контролировать пограничные торговые пункты. Столкнувшись с противодействием Сасанидского Ирана и не будучи способными обеспечить свои интересы посредством военной силы, они были вынуждены идти на компромисс — создание своеобразной зоны двойного подчинения. Подобные отношения, возможно, существовали на византийско-иранской границе и ранее, поскольку, согласно указу 408/409 гг., Каллиник находился на римской стороне, а Нисибис и Артакс — на персидской [17, с. 108; 18, р. 827].

Вероятность предложенной модели подтверждают иные примеры подобных зон. Интересен статус острова Иотава, с которого византийцы пытались осуществлять контроль над торговыми маршрутами по Красному морю. Изначально здесь находился имперский таможенный пункт. В 473 г. остров захватил арабский военачальник Имрулькайс и, изгнав византийских чиновников, «собирал доходы сам и получал от этого немало денег» [23, р. 113; 24, с. 228; 25, с. 87]. Показательно, что торговля не прервалась, и император Лев I (457–474 гг.), будучи не в состоянии отбить остров, вынужден был пойти на уступки арабскому вождю, пожаловать ему титул филарха и богато одарить. Очевидно, целью такой политики императора было стремление сохранить возможность использования Иотавы для торговли с Востоком через Красное море, пусть даже

ценой потери острова и собираемых там таможенных пошлин [ср.: 22, л. 30]. Даже когда в 497–498 гг. византийский полководец, правитель Палестины Роман смог вернуть остров в состав имперских владений, местным купцам было предоставлено право вывозить товары из Индии и жить независимо (*αὐτονομός*) при условии выплаты положенных пошлин в имперскую казну [26, р. 141; 25, с. 87–88]. В дальнейшем о судьбе острова упоминает Прокопий, отметивший, что во время правления Юстиниана I евреи, издавна проживавшие здесь независимо, стали подданными ромеев [27, I.19.3–4]. Как полагает Н. В. Пигулевская, между свидетельствами Феофана и Прокопия нет противоречия, поскольку после того, как Роман вернул Иотава в состав империи, здесь «могли быть фактории купцов, товары которых не подлежали пошлине, ибо эти купцы официально были подданными других государств» [25, с. 89]. Вероятно такое было возможным лишь в том случае, если Иотава обладала кондоминатным статусом, полученным вследствие стремления византийского правительства любой ценой поддерживать возможность торговли с Востоком [ср.: 7, с. 530, прим. 29].

Специализированные пограничные торговые города существовали не только на восточных границах империи. В 369 г. император Валент (364–378 гг.) ограничил торговлю с варварами на Нижнем Дунае только двумя особо оговоренными пунктами, а Валентиниан (364–375 гг.) даже основал для этой цели на Верхнем Дунае специальный город *Commercium* [15, с. 231; 18, р. 827]. Власть в этих торговых пунктах принадлежала исключительно римской администрации, которая стремилась не только обеспечивать безопасность границ, но также соблюдать коммерческие интересы своего государства [4, с. 173–184], и, вполне вероятно, ущемляла права являвшихся торговать «варваров». Приграничные варварские племена не были способны сравниться с империей даже в военном отношении, и потому никак не могли принудить римлян контролировать торговлю на равных правах. Максимально выгодной для обеих сторон формой ведения торгового обмена оказывалась практика создания зон свободной торговли, при безусловном единовластном подчинении этих территорий римской администрации [4, с. 173].

Возможность изменения ситуации возникает лишь тогда, когда в дунайском регионе появляется сила, способная противостоять империи на равных, по меньшей мере, в военном отношении. В V в. такой силой оказались гунны. Видимо, попыткой изменения сложившейся модели внешнеторгового обмена можно считать требование свободного безопасного ведения торговли на равных для обеих сторон правах, выдвинутое гуннами Атиллы на переговорах в Иллирике в 433 г.: «постановлено было... чтобы торжища между римлянами и гуннами проходили на равных правах и безо всякого опасения» [28, р. 277; 29, с. 21]. Можно предположить, что под «равноправным» ведением торговли подразумевался именно взаимный контроль за приграничными торжищами. По крайней

мере, треба в 448 г. перемещення границі вглубь візантійської території на п'ять днів шляху від Дунаю, Аттіла також окремо вивинув вимогу переносу торгових пунктів з берега Дунаю в місто Наїсс на річці Нішава (префектура Іллирик), який він «полагав границею скифської і римської землі» [28, р. 287; 29, с. 30, прим. 28]. Таким образом, надаваний на новій границі Наїсс, як можна полагати, не вважався Аттілою ні гуннським, ні візантійським, але, скоріше, спільним містом.

Більш визначеними даними про можливість кондомінатного управління в торгових пунктах між гуннами і ромеями на Дунаї ми, на жаль, не володіємо, однак цілком ймовірно, що основи системи двоєвладдя цілком могли тут виникнути. Інше питання, чи гунни, очевидно, не мали стільки розвинутих можливостей для підтримки такої схеми взаємодій, як Сасанідський Іран, і тому візантійці достатньо швидко відновлювали більш вигідну для них модель, при якій прикордонні торгові міста контролювалися римською адміністрацією єдиновладно. В разі потреби візантійці могли повністю перекрити прикордонну торгівлю з гуннами на ярмарках по Дунаю, і в 468 г. посольство від синів Аттіли до імператора Льва I було змушене просити відновити традиційний торговий обмін [29, с. 93].

Важким представляється ще одне відміння: в разі з Іраном імперія виступає як сторона, зацікавлена в підтримці торгівлі не менше, ніж самі перси. На західній же границі більш зацікавленими в торговельному обміні були гунни, о чому недвозначно свідчить їх пристальна увага до питань торгівлі при відправці посольств і укладанні мирних угод [ср.: 30, с. 39; 4, с. 184, 185]. Така ситуація складається тому, що взаємодія з персами надавала ромеям можливість налагодити широку трансконтинентальну міжнародну обмін, тоді як в разі з гуннами питання вкрай рідко йшло про чимось більшим, ніж налагодження місцевої прикордонної торгівлі, яка, крім того, не забезпечувала візантійському державі значительних економічних вигод. Тому імперія могла навіть припинити торгівлю з ними без значительного для себе шкоди. Так, Лев I, який пішов на поступки стосовно Йотави, відмовив синів Аттіли в їхній прохальній відновити мирний обмін на Дунаї, не бажаючи, щоб гунни, завдавши стільки шкоди землям імперії, отримували вигоду від торгівлі з нею. Відмова наочно демонструє слабку зацікавленість імперії в торгівлі з гуннами.

Ситуація в дунайському регіоні змінюється після 680 г., з появою і помітним посиленням тут болгар, які послідовно здобувають рівноправну торгівлю з імперією. Северо-східна Фракія швидко перетворюється в буферну зону між двома державами, маючи для них однаково важке значення [31, с. 62]. Скорим

наслідком їх зусиль в цьому напрямку стає заключений в складній для Візантії внешнеполітичеської ситуації візантійсько-болгарський договір 716 г. По його умовам, як вважав Н. Ікономідес, торговельний обмін проходив в Месемврії під наглядом візантійських чиновників [32, р. 30–31; 33, р. 641; 34, р. 978]. Хоча договір і передбачав вільну торгівлю на всій території обох країн [см.: 35, с. 235–236], не доводиться сумніватися, що шлях більшості болгарських і візантійських торговців традиційно закінчувався на границі свого державства, в спеціальному пункті, де відбувалася прикордонна торгівля. На роль такого міста як ніхто краще підходить портова Месемврія, а після її падіння в 812 г. і до X в. — Девельт [31, с. 65].

Складно однозначно сказати, існувала ли в цих і інших містах на візантійсько-болгарському прикордонні модель кондомінатного управління, однак повністю виключати подібну схему розвитку взаємодій двох країн в прикордонній зоні вкрай важко. Недаром В. Тьпкова-Займова дивиться на Дунай кінця VII–IX вв. як на *limen* — зв'язуючу границю-міст між двома державами [30, с. 41–42]. Ці дві прикордонні міста, зберегли яскраві сліди як візантійського, так і болгарського присутства [36, с. 73–78; 37, с. 50–56], цілком могли виступати такими ж кондомінатними прикордонними пунктами торговельного обміну, як і відповідні населені пункти на візантійсько-іранському прикордонні. По крайній мірі, М. Балбова-Іванова, беручи до уваги археологічні дані, підтверджуючі належність південної частини Девельта візантійцям, а північної — болгарам, вважає, що його пристань могла обслуговувати дві країни одночасно [37, с. 54], що, безсумнівно, було можливо лише при кондомінатному статусі міста.

Ітак, уже зараз можна виділити наступні передумови виникнення зон кондомінатного управління з точки зору державного регулювання зовнішньої торгівлі в Візантійській імперії. По-перше, це неможливість візантійців забезпечити єдиновладне управління визначеною територією на границі, через яку відбувається торговельний обмін з сусіднім державним утворенням. По-друге, здатність держави-контрагента виконувати адміністративний нагляд за зоною кондомінатного володіння, порівняний по своєму рівню з контролем з боку Візантії. По-третє, забезпечення за рахунок існування зони кондомінатного управління широкого зовнішньоторговельного обміну, отримання стратегічно важкого сировини, виходу імперії ромеїв на трансконтинентальні шляхи міжнародної торгівлі. В тому разі, якщо один з цих факторів відсутній, торгівля вкрай важко може вважатися визначальною причиною виникнення зони кондомінатного управління.

Очевидно, що цілісне поєднання перерахованих факторів в Криму відбувається тільки з появою в ньому в кінці VII в. хазар, достатньо

развитое государство которых оказывается способным как обеспечить безопасность трансконтинентальных торговых дорог, северного ответвления Шелкового пути [38, с. 24], так и осуществлять совместное кондоминатное владение основными пунктами, в которых происходила торговля с ромеями.

Ранее в Таврике подобных взаимоотношений, очевидно, не существовало. Характерен пример Боспора, окончательно интегрировавшегося в империю при Юстиниане и служившего для обмена между «римлянами» и гуннами [39, р. 431; 40, с. 50–51; 7, с. 512]. Однако торговый обмен здесь носил исключительно местный и во многом меновой характер, на что указывает форма налогообложения быками, а также велся со слабо развитым в политическом отношении гуннским племенем, чего было явно недостаточно для складывания полноценной зоны кондоминатного управления. Император недаром пытался использовать гуннов как буферное племя для охраны Боспора от внешних врагов и одновременно отправил арифм стратиотов под командованием трибуна для защиты города от этих союзников [26, р. 176; 40, с. 50–51]. Это показывает, что окруженный варварской периферией Боспор оставался, тем не менее, под полной византийской юрисдикцией, и здесь нельзя искать сложившуюся систему совместного владения [ср.: 7, с. 512], так как даже ее отдельные элементы оказались в этих условиях нежизнеспособными. Таким образом, для кратковременного этапа сотрудничества гуннов и имперской администрации в 527–528 гг. о городе можно говорить лишь как об открытой торговой зоне на византийско-варварском пограничье, прототипе кондоминатного центра, но отнюдь не как о территории, пребывавшей под совместным управлением ромеев и гуннов.

В итоге можно наметить определенную типологию рассмотренных пограничных «торговых зон». Среди них выделяются как минимум две ярко выраженные категории с точки зрения государственного регулирования торговли представлением Византийской империи.

Первая из них представлена крупными городскими центрами, находящимися на окончаниях значительных по протяженности трансконтинентальных торговых путей. Византийцы обычно контактируют в таких городах с мощным государством, которое направляет на границы своих представителей и взаимодействует с империей как равноправный партнер. Административные структуры также равноправны и имеют схожие права и обязанности. Торговля в таких центрах носит действительно международный характер, не ограничивается товарами местного производства, и взаимодействующие с империей государства обычно выступают как посредники в продаже товаров, произведенных вне их территории. В организации открытой торговли в таких зонах было заинтересовано само византийское правительство, готовое вследствие этого идти на значительные уступки, вплоть до создания в пограничье территорий совместного управления.

Вторая категория — города, торжища, временные торговые поселения, возникающие на местах контактов империи с племенными образованиями, находящимися на разных этапах политогенеза. Обмен здесь почти полностью ограничивается товарами местного производства и византийскими товарами, произведенными в провинции, прилегающей к месту торгового обмена. Подобного рода эмпоррии создаются империей чаще всего под давлением контрагентов-варваров, желающих вести торговлю с Византией, а также вследствие заинтересованности провинциального ромейского населения в торговле и мирном сосуществовании со своими соседями, но никак не за счет прямой заинтересованности имперского правительства в налаживании торговли. Административные структуры в таких торжищах всецело византийские, варвары же обеспечивают «открытость» торговой зоны постоянным близким военным присутствием. Таким образом, здесь предстает пограничная открытая торговая контактная зона, власть в которой полностью принадлежит ромеям. Свобода политики Византии здесь ограничена гораздо меньше, чем в контактной зоне первого типа, поскольку ромейское государство значительно менее заинтересовано в сохранении здесь стабильной торговли, не предоставляющей империи никаких особых экономических выгод.

Очевидно, оба типа торговых зон на границах Византийской империи существовали как в чистом виде, так и в определенных переходных формах. Вполне реальной была трансформация пограничной зоны свободной торговли в зону кондоминатного управления. К примеру, торговля с гуннами на Дунае явно начинала «перерастать» уровень обмена с варварскими племенами, однако в данном случае такого рода видоизменение, очевидно, так и не произошло. Иное дело — торговля с болгарами, которые не только добились равноправия административных структур, но, используя выгодное географическое положение своей страны, превратили местную пограничную торговлю в широкий посреднический международный обмен. Подобного рода ситуацию, вероятно, можно проследить и на примере Боспора, Херсона и Сугдеи, которые до появления на исторической арене хазар вели лишь не имевший общеперского значения местный торговый обмен с варварским населением. Когда же каганат смог обеспечить охрану трансконтинентальных торговых путей, предоставив тем самым империи возможность организации через его территорию широкого международного обмена, он добился взамен права на совместное управление пограничными византийскими городами.

Таким образом, путь возникновения зон кондоминатного управления на «открытой» границе византийского государства представляется с точки зрения государственного регулирования внешней торговли достаточно простым. Империи всегда было сложно контролировать и должным образом охранять свои растянувшиеся на многие тысячи

километров государственные границы. Содержание значительных воинских контингентов, строительство укреплений, подарки и дани соседним государствам и приграничным варварским племенам, подкупы их верхушки отнимали весьма значительную долю государственного бюджета. Создание закрытой границы по типу «железного занавеса» оказывалось, таким образом, делом дорогостоящим и далеко не всегда эффективным. При этом весьма чувствительными были не только прямые траты на создание заградительного кордона, но и то, что удерживаемая «на замке» граница скорее препятствовала, чем способствовала получению каких-либо выгод, кроме весьма шаткой и сомнительной безопасности империи. Не удивительно, что в итоге расчетливые ромеи вышли на иной эффективный способ обеспечения безопасности границ своего государства и действенного надзора за ними, тем более, что способ этот настойчиво подсказывала сама раннесредневековая действительность. Модель организации государственного управления на границе во многом зависела от степени значения для империи торговли с приграничным соседом. В том случае, если империя не получала от обмена с соседями никаких особых экономических выгод, она выказывала большую консервативность в управлении такими пограничными зонами, стремилась сохранить контроль над ними, иногда даже ценой открытого вооруженного противостояния. Когда же выгода от торговли была достаточно ощутимой на общеимперском уровне, гибкость государственной политики была весьма значительной, что проявлялось в создании особых пограничных зон кондоминатного подчинения.

Литература

1. Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. — М., 1994.
2. Мельник М. «Византийський Дунай» в історіографії: від «Danube d'Empire» до *limen* Візантії//Південний архів. Філологічні науки. — Херсон, 2003. — Вип. 22.
3. Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике//История и археология Юго-Западного Крыма. — Симферополь, 1993.
4. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. — М., 2000.
5. Колосовская Ю. К. Позднеримский город на Дунае и варвары//From Late Antiquity to Early Byzantium. — Praha, 1985.
6. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Х., 2001.
7. Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум?//ПИФК. — 2002. — Вып. 12.
8. Сорочан С. Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум //Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. — Керчь, 2001.
9. Сорочан С. Б. Сугдея в «темные века»//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004.

10. Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII–середине IX вв.//ПИФК. — 2002. — Вып. 12.
11. Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений//Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2.
12. Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсонесе//МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10.
13. Петр Магистр. Отрывки из истории патрикия и магистра Петра //Византийские историки/Пер. с гр. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. — СПб., 1860.
14. *Corpus juris civilis*. — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex Justinianus.
15. Колосовская Ю. К. Панония в I–III веках. — М., 1973.
16. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. — М.; Л., 1951.
17. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.–XV в. н. э.). — Ереван, 1954.
18. Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284 – 602. — Oxford, 1964. — Vol. 2.
19. Хроника Иешу Стилита//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. — СПб., 2000.
20. *Menandri Fragmenta*//Historici Graeci Minores/Ed. L. Dindorfius. — Lipsiae, 1871. — Vol. 2.
21. Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой//Византийские историки/Пер. с гр. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. — СПб., 1860.
22. Лозовик Г. Н. Східна політика Ромейської імперії в VI столітті/Україна і Схід. — IP НБУВ НАНУ. — Ф. X. — № 14634.
23. *Malchus*//Fragmenta Historicorum Graecorum. — Paris, 1851. — Т. 4.
24. Малх Филадельфиец. Византийская история в семи книгах//Византийские историки/Пер. с гр. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. — СПб., 1860.
25. Пигулевская Н. В. Политика Византии на Эритрейском море//ПС. — 1964. — Вып. 11.
26. *Theophanis Chronographia*/Ex rec. C. De Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1.
27. *Procopii Caesariensis Opera omnia*. — Lipsiae, 1905. — Vol. 1: De bellis libri I – IV.
28. *Prisci Fragmenta*//Historici Graeci Minores/Ed. L. Dindorfius. — Lipsiae, 1870. — Vol. 1.
29. Сказания Приска Панийского//Уч. зап. 2 отделения Имп. АН. — 1861. — Кн. 7. — Вып. 1.
30. Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – *limes* и *limen* между Византия и славянския свят//Руско-български връзки през вековете. — София, 1986.
31. Момчилов Д. В. Североизточна Тракия VII–X век//Векове. — 1995. — Кн. 2.

32. *Oikonomides N.* Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // *Studia Slavico-Byzantina et Medievalia Europensia*. — 1988. — Vol. 1.
33. *Oikonomides N.* Le marchand Byzantin des provinces (IX-e–XI-e s.) // *Mercati et mercanti nell’alto Medioevo: l’Area euroasiatica e l’area mediterranea*. — Spolete, 1993.
34. *Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy // *ЕНВ*. — Vol. 3.
35. *Литаврин Г. Г.* К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // *Литаврин Г. Г. Византия и славяне*. — СПб., 1999.
36. *Панова Р.* Градът с две лица // *Минало*. — 1996. — № 3.
37. *Балболова-Иванова М.* Девелт през VIII–X век // *Векове*. — 1991. — № 1–2.
38. *Некрасов А. М.* Крым — центр причерноморской контактной зоны // *Контактные зоны в истории Восточной Европы*. — М., 1995.
39. *Ioannis Malalae.* Chronographia/Ex rec. L. Dindorfius. — Bonnae, 1831.
40. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. — М., 1980.

Резюме

Домановський А. М. *Про зони кондомінатного управління на кордонах Візантії IV–IX ст.: аспект державного регулювання зовнішньої торгівлі*

Статтю присвячено дослідженню ролі державного регулювання зовнішньої торгівлі візантійським урядом у виникненні так званих зон кондомінатного управління на кордонах ранньосередньовічної Візантійської імперії. Автор доходить висновку, що однією з важливих причин появи зазначених зон була зацікавленість візантійців у налагодженні міжнародного торгового обміну, забезпеченні виходу держави на трансконтинентальні торговельні шляхи. Відповідно, однією з необхідних передумов виникнення території «співволодіння» була вага відповідного регіону у світовій торгівлі того часу.

О. М. Ильина

О КУЛЬТЕ ДЕМЕТРЫ В ЗАПАДНОПОНТИЙСКИХ ПОЛИСАХ В РИМСКИЙ ПЕРИОД

В пантеоне божеств западнопонтійських полісов культ Деметри, богини земледелия и плодородия, занимал одно из ведущих мест, выступая в классических ипостасях покровительницы природных сил, земледелия, защитницы рода, семьи, материнства. Поклоняясь богине, почитатели культа рассматривали человека неотъемлемой частью природы, проецируя идеи возрождения растительности, в культе Деметры в идею

вечной жизни, осуществляемой в смене поколений. Однако эта тема до настоящего времени остается фактически малоизученной, что во многом объясняется отсутствием нарративных и отрывочностью других исторических источников. Комплексное использование всех имеющихся материалов (эпиграфических, археологических, нумизматических) и привлечение косвенных свидетельств античных авторов дает возможность воссоздать общую картину почитания культа Деметры в греческих городах Западного Понта, выяснить его роль и характер в общественно-религиозной жизни полисов.

Согласно эпиграфическим источникам, рассматриваемое божество почиталось в городах Западного Понта еще с момента основания полисов [1, р. 356–371]. Очевидно, в честь Деметры были выстроены храмы, в которых исполняли ритуальные действия, церемонии и праздники выборные жрецы. Так, к III в. до н. э. относят декрет в честь жрицы Деметры и Коры из дорийского полиса Месембрии [2, с. 41–43]. В надписи говорится, что жрица богини имела знатное происхождение и прожила достойную жизнь выдающейся религиозной деятельницы полиса. Особое внимание в надписи заслуживает выражение: «...мужья жрицы, к которым она относилась хорошо...» [2, с. 41–43; 3, с. 355–358]. Без сомнения, эта фраза относится к религиозным обязанностям жрицы и объясняет своего рода священный брак с богами в ходе сакрального обряда. Вероятно, речь идет о таинстве мифологического брака между Деметрой и Зевсом, как одного из мужей богини, в ходе которого каждый год в определенный день в храме Деметры происходил обряд заключения священного брака, где роль богов играли жрецы соответствующих культов (IGBR. I, № 342) [4, р. 477]. Таинство происходило в присутствии большого числа посвященных, наблюдающих за обрядом, связанным с поклонением богине плодородия.

Из Месембрии происходит надпись I в. до н. э. – I в. н. э. в честь Адесилы, жрицы Деметры и Коры. Посвящение повествует о проведении в полисе праздника осеннего сева Фесмофории [4, р. 250]. Согласно документу, саму Деметру называли «Thesmophoros», а вместе с дочерью они являлись двумя «Thesmophoroi». В интерпретации верующих слово «Thesmos» трактовалось как «закон» или «повеление», и само понятие связывалось с представлением о земледелии как об основе цивилизованной жизни и повиновении законам [5, р. 35; 6, р. 45]. Фесмофории, как и некоторые другие праздники в честь Деметры, не допускали участия мужчин. Вероятно, праздник вел свое происхождение от самых древнейших времен, когда культивацию растений осуществляли женщины. Во время церемонии, приносясь священные дары в жертву богине, жрецы молились не только о плодородии полей, но и о благополучии, здоровье почитателей культа.

В Месембрии Деметра почиталась и в ипостаси Малофории, об этом идет речь в месембрийском декрете, вывезенном в период античности